

УДК 811.161.1/81'276.6
DOI 10.17223/18137083/56/22

Д. В. Ильина

Новосибирский государственный университет

**Авторизация и адресация
как средство популяризации научного содержания
(на материале статьи лингвистической тематики)**

Статья посвящена описанию авторизации и адресации как средства экспликации отношений автора, адресата и предмета научно-популярной статьи лингвистической тематики. Данный прием рассматривается в контексте функции трансляции научных знаний в социум и поддержания его интереса к науке, в целом присущей научно-популярной сфере общения, с учетом жанровых ограничений на условия общения. На примере конкретной лингвистической научно-популярной статьи рассматривается одна из реализаций вышеназванных задач: повествователь, условный адресат и другие текстовые субъекты научно-популярной статьи включаются в сложные отношения, свойственные реальному взаимодействию коммуникантов, исследователей и носителей языка. В работе демонстрируется многообразие возникающих в тексте ситуаций и их чередование.

Ключевые слова: научно-популярная сфера общения, научно-популярная статья, коммуникация, коммуникативная ситуация, точка зрения, авторизация, адресация.

Данная статья написана в рамках разрабатываемого автором жанрово-сферного подхода к научно-популярным текстам, основной идеей которого является обусловленность содержания и языкового оформления научно-популярных текстов их жанровыми характеристиками и спецификой научно-популярной сферы общения. Таким образом, на организацию научно-популярной статьи влияет не только его жанр, но и охватывающая этот жанр сфера общения, сущностные свойства которой формируют базовые условия общения и ставят перед автором типовые коммуникативные задачи. В этом аспекте обнаруживается важность отражения в научно-популярной статье позиций автора и адресата, которые преломляются в речевых категориях образа автора и образа адресата [Шмелёва, 1990] и языковых категориях авторизации и адресации.

Ильина Дарья Владимировна – ассистент кафедры истории культуры Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия; dviljina@gmail.com)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© Д. В. Ильина, 2016

Термин «авторизация» в значении «указание на источник информации, субъекта точки зрения»¹ введен в рамках функционального синтаксиса в 1973 г. Г. А. Золотовой как «способ взаимодействия моделей предложения», средство, делящее предложение на план «информации об объективной действительности» и план указания на субъекта, предоставляющего эту информацию [Золотова, 1973, с. 263]. Г. А. Золотова подробно описала систему средств выражения этого явления, охватив, однако, лишь его эксплицированные случаи. Т. В. Шмельёва [1994, с. 32–33] рассматривает авторизацию как квалификативную категорию модуса (наряду с персуазивностью), означающую указание на источник информации и способ ее получения. Она расширяет сферу применимости этой категории, обнаруживая ее во всех высказываниях и отмечая необязательность ее показателей в ряде случаев. К последним относятся высказывания «от себя» (что принято в языке «по умолчанию»), высказывания с тем же источником информации, который был указан ранее («принцип авторизационного ключа») и высказывания с «жестким соответствием диктумного содержания и характера его получения».

Адресация – более молодой термин, заимствованный в конце 1980-х – начале 1990-х гг. из технических наук, где он означает «осуществить ссылку [обращение] к устройству или элементу данных по его адресу» [Вычислительная техника, 1989, с. 12], однако в лингвистике обозначаемое им понятие было разработано ранее. Н. Д. Арутюнова в работе «Фактор адресата» [Арутюнова, 1981] утверждает обязательность параметризованной модели адресата для любого речевого акта. К параметрам модели относится социальный статус адресата, пол, возраст и т. п., причем коррелирующий с параметрами автора (например, учитель и ученик, отец и сын) и социальной ситуацией, в которую включены коммуниканты [Там же, с. 357–358].

Таким образом, авторизация и адресация являются текстовым отражением позиций автора и адресата в коммуникативной ситуации того или иного типа. Тип ситуации определяется, во-первых, ее включенностью в определенную деятельность, а значит сферу общения, а во-вторых, более конкретной целевой направленностью и более жестким ограничением условий общения, а значит принадлежностью текста к тому или иному речевому жанру.

Ситуация научно-популярной коммуникации имеет целью сообщить научное знание неспециалисту и сделать это содержание интересным для него. Состав и соотношение этих функций – информативной и воздействующей – определялись в лингвистике неоднозначно. Авторы работ, посвященных стилистике научно-популярного текста, как правило, формулируют цель, учитывая только языковую способность адресата (М. Н. Кожина: научно-популярные тексты «популяризуют научные знания в широкой аудитории», отсюда простота изложения, экспрессивность и образность [Кожина и др., 2008, с. 310–311]; Г. Я. Солганик: цель – «передать научные знания» [Солганик, Дроняева, 2005, с. 13]) и вынося за скобки его собственные цели, интересы и то воздействие, которое оказывает на него текст. Авторы, исследующие научно-популярную литературу в коммуникативном и лингвопрагматическом аспекте или, по крайней мере, учитывающие этот аспект, выделяют наряду с функцией сообщения функцию воздействия на адресата (В. Г. Костомаров, Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев, И. И. Баранова), иногда подчеркивая преобладание последней. Взаимодействие этих функций «формирует коммуникативную стратегию создателя научно-популярного текста» [Баранова, 1995, с. 34], обеспечивая передачу информации «наиболее оптимальным образом» [Ужахова, 2003, с. 156].

---

¹ В отличие от значения «установление авторства текста», в котором термин применяется, например, в юрислингвистике.

Характеристики субъектов научно-популярной сферы общения вариативны, однако общим является следующие. Автор научно-популярного текста, стремящийся передать широкой аудитории научное знание, – это ученый или журналист, в некоторой степени овладевший научным знанием. Адресат – неспециалист, либо вообще не знакомый с объектом излагаемого знания, либо знакомый с ним в общих чертах или фрагментарно. Коммуникативная установка адресата может быть различной: от ситуативного интереса до настойчивой потребности разобраться в предмете.

Эти особенности, а также особенности жанра научно-популярной статьи – печатная фактура, однонаправленность коммуникации (отсутствие непосредственной обратной связи) – создают ряд трудностей при написании. Во-первых, это проблема трансформации сложного и узкоспециального содержания в представление, понятное неспециалисту, причем «перевод» должен быть выполнен корректно «с первого раза» (у адресата нет возможности задать вопрос). При этом автор должен учитывать и когнитивный, и лингвистический аспекты «перевода» (представления и термины). Во-вторых, для того чтобы состоялась коммуникация, текст должен быть не только информативным, но и интересным. Это предполагает учет возможных целей и мотивов читателя.

Неопределенность характеристик адресата и разная степень сложности предлагаемого лингвистического материала позволяют сформулировать отправной тезис исследования: соотношение функций сообщения и убеждения в конкретном тексте может быть разным (в зависимости от темы, от личной интенции автора, от средовых воздействий, например факторов актуальности темы), при этом, поскольку они обе задают направленность текста, следует рассматривать их в комплексе. Иными словами, нецелесообразно квалифицировать те или иные средства как реализующие только одну функцию. Для понимания функционального эффекта языковых средств имеет смысл, напротив, рассматривать поведение каждого из них в ситуации конкретного текста, своей структурой реализующих цель коммуникации.

Цель данной работы – описать механизмы реализации функций сообщения и воздействия в лингвистической научно-популярной статье средствами авторизации и адресации как средствами сокращения когнитивного и целевого разрыва между автором и адресатом.

В ряде рассматриваемых текстов сообщение информации о лингвистическом объекте происходит в двух режимах: субъект-объектном, когда язык представлен как объект ментально-речевой активности автора текста, и субъект-субъектном, когда язык описывается через действия, совершаемые над ним различными субъектами в рамках конкретной социально-речевой ситуации. В первом случае язык и речь представлены отвлеченно от ситуации общения; во втором – язык может быть представлен как инструмент носителя, речь – как процесс его деятельности, язык и речь – как объект исследования лингвиста и т. п. В последней ситуации становится возможна идентификация автора и адресата с позициями этих субъектов. Поэтому по нашей версии во втором случае автор способствует более эффективному пониманию при сохранении интереса, искусственно сближая или заостряя в микросюжетах текста позиции, занимаемые им самим и адресатом.

Для терминологического удобства будем обозначать фрагменты с субъект-объектным представлением лингвистического объекта фрагментами текста с прагматической ситуацией (ПрС), поскольку такая ситуация изоморфна ситуации научно-популярной коммуникации, являясь ее моделью в представлении автора. Фрагменты с субъект-субъектным представлением знаний, вводящие объект через микросюжеты с действующими лицами, – фрагментами с событийной ситуацией (СС). Они «вложены» в ПрС, являясь средством достижения прагматической цели. При этом действующие лица каждой СС могут иметь интенции, не связанные

с коммуникативной ситуацией (например, носитель языка хочет выбрать необходимые языковые средства, а лингвист – исследовать этот выбор) или являющиеся частной задачей коммуникативной цели (например, лингвист хочет привести в пример случай из своей исследовательской деятельности, а носитель языка – продемонстрировать свои наивные представления о языке).

Для выявления того спектра средств, с помощью которого будут определяться позиции, потенциально занимаемые в коммуникативной ситуации автором и читателем, требуется ввести понятие точки зрения. Данное понятие появилось прежде всего в исследованиях художественной литературы (М. М. Бахтин, В. В. Виноградов и др.), что выразилось, в частности, в различении речи повествователя и речи персонажа. Впоследствии данное различие было детализировано и перенесено на тексты других функциональных стилей в трудах Ю. Д. Апресяна, Б. А. Успенского, Е. В. Падучевой и др. Первичный субъект говорения (находящийся в «канонической речевой ситуации» – непосредственно контактирующий с адресатом) и различные типы вторичных субъектов (представленный в тексте «образ автора») были противопоставлены в трех аспектах: пространственно-временном (субъект дейксиса и субъект восприятия), в аспекте семантики речевых актов (субъект речи), в когнитивном, эмоциональном и волюнтивном аспекте (субъект сознания) [Падучева, 2010, с. 262–265]. Каждый из аспектов находит свое выражение в тексте – с той или иной степенью однозначности – в модальных, дейктических, оценочных элементах, предикатах со значением сходства и подобия, обобщающих врезках, словах с оценочным значением и др. ([Апресян, 1986; Падучева, 2010, с. 266–291] и др.).

Работая с научно-популярной статьей, мы имеем дело с вторичными субъектами говорения, и в аспекте различения субъект-объектного и субъект-субъектного способов донесения информации существенно выделение экзегетического (повествователя, «не входящего во внутренний мир текста») и диегетического (рассказчика, «принадлежащего миру текста») авторов. В качестве примера первого типа Е. В. Падучева приводит повествователя в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (повествователь – субъект оценок и т. п.), а второго – повествователя в «Выстреле» А. С. Пушкина (повествователь – один из персонажей) [Падучева, 2010, с. 203 и далее].

Соответствующие средства выражения оценки или дейксиса эксплицируют, как правило, наличие СС, тогда как ПрС таких показателей чаще всего не имеет. Исключение может составлять прямое обращение к читателю.

Предмет указанных исследований – средства выражения только авторского голоса. Однако, поскольку в нашей модели текстовые позиции автора и адресата имеют равный статус и, более того, могут накладываться друг на друга, будет корректно расширить сферу применимости «субъектного» анализа и до позиций, занимаемых адресатом.

Продемонстрируем предложенную методiku на примере анализа статьи Б. Иомдина «Как взаимодействуют язык бытовой и язык официальный?»². Содержание работы связано с двумя функциональными разновидностями русского языка – бытовой и официально-деловой, носителями которых является и автор, и читатель (хотя последнее и безусловно), при этом и тот и другой имеют большой опыт использования бытовой разновидности и меньший – официально-деловой. Автор статьи, Б. Иомдин, – профессиональный лингвист, и более того – специалист именно в области бытовой лексики, значит, он стремится рассказать не просто об известных ему свойствах языка, но и о продукте собственной исследовательской деятельности.

---

² Иомдин Б. Как взаимодействуют язык бытовой и язык официальный? URL: <http://postnauka.ru/faq/34828> (дата обращения 24.10.2015).

Исходя из этого, можно выделить следующие позиции в СС, потенциально за-нимаемые коммуникантами (см. таблицу).

Потенциальные соотношения коммуникантов и позиций событийных ситуаций научно-популярной статьи лингвистической тематики

Позиция в коммуникативной ситуации	Позиция в событийной ситуации		
	Лингвист- исследователь	Объект исследования	Носитель языка
Автор	+		+
Адресат		+	+

Разработанная нами процедура анализа механизмов авторизации и адресации включает три этапа: на материале содержания статьи (1) выявляется объект, по поводу которого происходит взаимодействие коммуникантов; (2) обозначаются позиции реального автора и реального адресата по отношению к объекту (отсюда становится ясным разрыв в знаниях и интересе, который автор стремится преодолеть с помощью текста); на материале языковых средств (3) описываются ситуации взаимодействия автора и адресата (прагматические и событийные ситуации) через выявление их текстовых ролей.

1. **Выявление объекта описания.** Из синтаксического анализа заголовка *Как взаимодействуют язык бытовой и язык официальный?* вытекает, что тема статьи – характер взаимодействия двух функциональных стилей языка. Подзаголовок *Лингвист Борис Иомдин об активном словарном запасе, языковых изменениях и текстах официальных документов* выделяет из этого тематического поля три аспекта. Активный словарный запас является параметром носителя языка, и в зависимости от профессионального и социального статуса его стилистическое наполнение может быть различным. Дальнейшее содержание текста (например, *бытовая лексика – самая частотная и общеупотребительная и как без специального образования понять такой [официальный] текст?*) свидетельствует о том, что бытовой язык формирует активный словарный запас любого носителя, а владение официальным стилем варьирует в зависимости от сферы и степени социализации человека. Таким образом, рассуждает автор, взаимодействие этих разновидностей языка будет в большей степени неравноправным с большей открытостью первой из них для носителей языка. Аспект языковых изменений актуализирует динамический фокус рассмотрения языка: часть изменений в языке связана с влиянием бытового и официального языков друг на друга. Тексты официальных документов являются речевым проявлением официального языка; их может порождать и их вынужден понимать носитель языка.

Содержание других «сильных позиций» (элементы текста, в которых смысловые компоненты «особенно психологически заметны» [Арнольд, 1990, с. 46]) самого текста, а именно начала и конца, а также, в меньшей степени, начала абзацев или микротем, вводит в тематику статьи еще один аспект – деятельность лингвистов по упрощению взаимодействия между бытовым и официальным языком.

2. **Обозначение реальных позиций коммуникантов.** «По умолчанию» (то, что Т. В. Шмелёва назвала принятым в языке стандартом [Шмелёва, 1994, с. 32]) позиции автора и адресата в научно-популярной статье имеют следующие (жанровые) характеристики. Автор – лингвист, он знает об объекте и о том, как объект

исследуется в лингвистике, больше, чем читатель, и считает важным говорить об объекте вне научной сферы общения. В применении к анализируемой статье это означает, что автор знает специфику взаимодействия бытового и официального языков, каким уровнем их владения характеризуется рядовой носитель, как взаимодействие этих двух разновидностей меняет их и в каких речевых формах существуют та и другая. Читатель же – не специалист, он знает меньше или ничего об объекте и, возможно, имеет к нему меньший интерес.

В статье находим показатели того, что автор исходит именно из вышеперечисленных «жанровых» характеристик; приведем самые яркие примеры: *Может показаться, что изучение и описание таких слов нетрудно и малоинтересно...* (предикат ментального состояния, оценочные предикаты); *лингвисту, который ее исследует, приходится тяжело: каждый носитель языка имеет собственное твердое мнение, какой предмет как называется, и составить из этой палитры мнений то единственно правильное, которое надо поместить в словарь, очень трудно* (оценочные предикаты, оценочное наречие и прилагательное *единственно правильное*, номинация субъективной «чужой» точки зрения *собственное твердое мнение*); *Приведу примеры проблем, возникающих при работе над словарем бытового лексики, которым я занимаюсь со своими коллегами и учениками* (личное и возвратное местоимения, личные формы глаголов, метатекстовый предикат *приведу примеры*). Видно, что, с одной стороны, носитель имеет «неправильные» (ср. *единственно правильное* [мнение] для лингвиста) представления о языковом факте и о его исследовании (два элемента объекта обсуждения) – *нетрудно* – и отношение к его обсуждению (*малоинтересно*). С другой стороны, автор, лично исследующий объект (*я занимаюсь*), имеет более точные знания о языке (есть *единственно правильное* мнение), отношение к его исследованию (*тяжело, очень трудно*) и выносит квалификацию представлениям носителя (есть только один *правильный* вариант).

Указанные языковые средства, описывающие представления тех позиций, в которые попадают автор и читатель (лингвист и носитель языка; рассказчик и читатель), находятся в разных планах текста. В первом фрагменте текста автор имитирует полемику с читателем, вводя от третьего лица СС, в которой сталкиваются мнения лингвиста и носителя языка, пытающегося занять позицию лингвиста. «Спор» происходит по поводу выбора предмета для исследования – это взаимодействие представлений о языке. Во втором фрагменте автор вводит другую СС, в которой лингвист, изучающий действия носителей языка, испытывает трудности в связи с разнообразием языковых привычек носителей. Это оценка уже не по поводу языка, а по поводу действий исследователя и носителя языка. В обеих ситуациях мы опознаем текстовые роли по прямым номинациям (*лингвист* и *носитель языка*) и по тем языковым средствам, которые невозможно употребить в ПрС (например, средства выражения оценки), т. е. при отчужденном, объектном описании свойств языка, а возможно только из определенных позиций в СС. В третьем фрагменте автор, как специалист в данной области лингвистики, от первого лица рассказывает читателю об опыте своей деятельности, и здесь мы говорим об СС с «диегетическим повествователем», занимающим позицию лингвиста.

Эти ситуации взаимодействия – ПрС и вложенные в нее СС с закрепленными ролями, которые могут исполнять автор и читатель, – и являются единицей следующего шага нашего анализа.

3. **Описание ситуаций взаимодействия автора и адресата через выявление их ролей в разных СС и ПрС.** Текст статьи был разделен на фрагменты – единицы анализа, после чего были определены ПрС и, при наличии, вложенные в них СС, которые описывались с учетом текстовых субъектов. В связи с тем, что текст линейен, анализируемые фрагменты выделялись также линейно, даже в тех случаях, когда фрагмент с СС₂ разрывает фрагмент с СС₁ или ПрС на две части, как,

например, в предложении *А между тем лингвисты знают, что многие слова* (СС₁), *которые сейчас нам кажутся абсолютно нейтральными* (СС₂), *когда-то тоже были уменьшительными* (ПрС). О наличии в высказывании двух разных типов событийных ситуаций свидетельствуют следующие признаки. В СС₁ субъект-«лингвист», позицию которого занимает автор, выражается через констатацию лингвистического знания (хоть и в «неточном», «популярном» виде, на что указывает местоимение *когда-то*) и через метатекстовый элемент *а между тем* выстраивающий логику доказательства. В СС₂ местоимение 1-го лица *нам* и неопределенное местоимение *многие* обозначают позицию носителя языка, ее также и в том числе занимает автор со своим языковым восприятием и языковыми привычками.

Позиции читателя менее разнообразны. В предложении *Многие образованные люди сейчас возмущаются обилием уменьшительных, особенно в речи официантов, продавцов или, например, парикмахеров: Салатики нести? Вот эту модельку показать? Височки подровнять?* – читатель может отождествить себя с ролью «образованного человека», рефлектирующего носителя языка. В СС₂ эта роль у читателя сохраняется: как и автор, читатель здесь, являясь носителем языка, имеет сформированное мнение о стилистической окраске некоторых слов.

Во фрагменте *когда-то тоже были уменьшительными* отсутствуют маркеры текстовых субъектов, следовательно, мы определяем его как ПрС. Эта квалификация подтверждается и наличием неопределенного местоимения *когда-то*: в ситуации научно-популярной коммуникации научное содержание может сообщаться в упрощенном виде, хотя автором является ученый.

В данном предложении мы выделяем не две, а три ситуации (хотя ПрС могла бы быть квалифицирована как продолжение СС₁), поскольку во время чтения читатель «проживает» свое нахождение в них последовательно.

Диспозиция автор – лингвист, читатель – носитель языка прослеживается в ряде различных СС. Продемонстрируем это на следующих примерах:

(а) пример фрагмента с отсутствующим планом выражения авторизации и адресации: *Многие образованные люди сейчас возмущаются обилием уменьшительных...* СС имеет значение ‘носители имеют определенное отношение к речевым фактам’; дальнейший контекст, демонстрируя иное отношение лингвиста (*А между тем лингвисты знают, что...*), в позицию которого встает автор, отделяет автора от «многих образованных людей». Прямых показателей соотносительности читателя с образованными носителями языка нет, однако читатель может соотносить себя с этими носителями или, по меньшей мере, с носителями, которые часто сталкиваются с указанными примерами в речи (это можно подтвердить предшествующим *...названия разных бытовых предметов – тех, с которыми мы сталкиваемся каждый день*, где читатель вместе с автором включен в *мы*);

(б) пример фрагмента с показателями позиционной принадлежности коммуникантов: *У каждого носителя языка свое мнение о значении слов, и лингвистам порой трудно выбрать из этой палитры мнений то единственно правильное, которое надо поместить в словарь.* В СС носитель имеет определенные представления об элементах языка, а лингвист, работая с ними, испытывает затруднения в связи с множественностью этих представлений. Средствами различной номинации и отдельных предикаций разграничены позиции лингвиста и носителя языка. Оценочное наречие *трудно* является субъективной квалификацией исследовательских действий, которую может дать только лингвист. Следовательно, в приведенном фрагменте автор занимает текстовую позицию лингвиста. Однозначных маркеров принадлежности читателя к данной позиции носителя языка не наблюдается, но, как и в предыдущем примере, он может соотносить себя с носителем.

Очевидное проявление соотношения читатель – носитель языка наблюдается в уже процитированном ранее в усеченном виде фрагменте. Отрывок представля-

ет собой СС, включенную в микросюжет «диалог лингвиста с оппонентом – носителем языка». Этот микросюжет содержит пять фрагментов – две СС и три ПрС. Приведем его полностью.

Может показаться, что изучение и описание таких слов нетрудно и малоинтересно – то ли дело, например, названия животных и растений, всевозможные оттенки цветов или юридические термины, в которых сам черт ногу сломит (СС₁ или ПрС₁: читатель – носитель языка пытается занять позицию лингвиста). *Однако именно потому, что бытовая лексика – самая частотная и общеупотребительная* (ПрС₂: автор-лингвист вводит аргумент, основанный на научных данных), *лингвисту, который ее исследует, приходится тяжело: каждый носитель языка имеет собственное твердое мнение, какой предмет как называется, и составить из этой палитры мнений то единственно правильное, которое надо поместить в словарь, очень трудно* (СС₂: лингвист испытывает исследовательские затруднения в связи с действиями носителя). *По-разному говорят представители различных профессий, люди разных возрастов и интересов, жители разных городов. Кроме того, язык постоянно меняется, и быт – сфера наиболее интенсивных изменений: то и дело появляются новые предметы, рождаются новые названия, старые слова меняют свои значения* (ПрС₃: автор сообщает научные сведения и научные оценки), *и возникает неуправляемый хаос* (СС₃: лингвист дает эмоциональную оценку состоянию языка).

В первом фрагменте чужая речь (из последующего *Однако...* мы понимаем, что приведенный отрывок содержит именно чужую речь) обрамлена вводной конструкцией – предикатом со значением ментального состояния *может показаться*, далее следуют оценочные слова категории состояния *нетрудно* и *малоинтересно*, а после с помощью несобственно-прямой речи, усиленной разговорными элементами (*то ли дело, сам черт ногу сломит*), развивается содержание «оппонирующей» точки зрения. Поскольку далее следует разворачивание опровержения от лица лингвиста (эта позиция вводится в ПрС₂, затем в СС₂ разворачивается с помощью средств, аналогичных средствам СС₁/ПрС₁ – *приходится тяжело, очень трудно*, – но без маркеров неуверенности или предположительности, и далее сохраняется в ПрС₃ с помощью введения научных сведений), мы опознаем, что позицию оппонента занимает адресат в соответствии со своими социологическими характеристиками (носитель языка, имеющий наивные представления о лингвистическом исследовании). Это позиция носителя языка, «примыряющего на себя» роль лингвиста. Однако прямых показателей соотносительности читателя с этой точкой зрения нет (ее может принимать и не читатель), поэтому констатируем неопределенность субъекта и, соответственно, типа ситуации.

Ситуации, в которых автор соотносится с лингвистом, а читатель – с носителем, неоднородны не только по степени выраженности этих соотношений, но и по тому, какую из функций выполняет субъект в данных позициях. Выше уже были обозначены две разновидности лингвиста в функции популяризатора – транслятора знаний: лингвист, только владеющий научным знанием об объекте – языковых и речевых явлениях и способах их исследования (не обязательно изучающий описываемые языковые явления), и лингвист, занимающийся именно их исследованием.

В другой функции – функции популяризатора-эксперта (популяризатора отношения к знаниям) – лингвист выступает в последнем предложении текста, относящемся к ПрС: *Составление толкового словаря без непоследовательностей, основанного на принципе системности, – одна из самых актуальных... задач современной лингвистики*. Квалификация *одна из самых актуальных [задач]* может быть дана лингвистом, оценивающим и обдумывающим современное состояние науки.

Другая позиция, в которую встает автор, – позиция носителя языка. Она выражается, прежде всего, местоимениями 1-го лица и соответствующими глагольными формами и во вторую очередь – показателями модальности и оценки: *Заметную часть нашего активного словарного запаса составляют названия разных бытовых предметов – тех, с которыми мы сталкиваемся каждый день; ... слова, которые сейчас нам кажутся абсолютно нейтральными...; ... [предметы называются или описываются в ГОСТах] не так, как нам привычно* и т. п.³

Особый интерес представляют отрывки, в которых граница между событийными ситуациями проходит внутри предложения: *Многие образованные люди сейчас возмущаются... А между тем лингвисты знают, что многие слова (СС₁: автор – лингвист), которые сейчас нам кажутся абсолютно нейтральными (СС₂: автор – носитель языка); Мы и теперь наблюдаем такие изменения (СС₁: автор – носитель языка): в современном языке говорят не «шнурки для ботинок», а «шнурки», не «ремень для часов», а «ремешок», не «шапка для душа», а «шапочка» (СС₂ или ПрС – см. следующий абзац) – и это, кажется, никого не раздражает, а значит, должно быть включено в словарь как нейтральная лексика (СС₂: автор – лингвист).*

Встречаются и случаи (один из них приведен выше), в которых невозможно точно установить позицию автора и даже само наличие СС внутри ПрС: *Мы и теперь наблюдаем такие изменения: в современном языке говорят не «шнурки для ботинок», а «шнурки», не «ремень для часов», а «ремешок», не «шапка для душа», а «шапочка»... (СС: автор – лингвист / ПрС); Читать ГОСТы часто довольно трудно. Как без специального образования понять такой текст: «Допускается изготавливать чемоданы без пуклей длиной не более 40 см; с применением наружного профилированного кедера по ботану корпуса и крышки; с другими деталями, выполняющими назначение пуклей»?.. (автор – лингвист или носитель языка).*

Позиции, которые занимает читатель, отличаются меньшим разнообразием. Кроме того, маркированность такого позиционирования гораздо слабее и, следовательно, менее достоверна, чем маркированность позиций автора.

Читатель может находиться в роли носителя языка. Пример с ярким показателем такой отнесенности (вводящий «полемику» лингвиста с носителем) уже обсуждался выше: *Может показаться, что изучение и описание таких слов нетрудно и малоинтересно – то ли дело, например, названия животных и растений, всевозможные оттенки цветов или юридические термины, в которых сам черт ногу сломит.* (ПрС или СС₁, активизирующая позицию носителя, пытающегося встать на место лингвиста). *Однако именно потому, что бытовая лексика – самая частотная и общеупотребительная, лингвисту, который ее исследует, приходится тяжело: каждый носитель языка имеет собственное твердое мнение...* (СС₂: автор – лингвист, читатель – носитель языка). Выше мы выяснили, что в ПрС/СС₁ позицию носителя языка может занимать читатель. Показатели этой соотнесенности включают несобственно-прямую речь; предикат ментального состояния, не совпадающий с характером последующего изложения точки зрения лингвиста; противопоставительную конструкцию *то ли дело*.

Другой ряд примеров связан с употреблением, в частности, местоимений 1-го лица мн. ч., референт которых включает как автора, так и адресата (см. приведенные выше примеры типа *Заметную часть нашего активного словарного запаса...*). Такую соотнесенность мы тоже относим к однозначным. Менее достоверна

---

³ Такие ситуации мы отличаем от других, в которых местоимение 1-го лица имеет другую референцию, например: *Для наших исследований мы работаем с юридическими текстами...* где *мы* это ‘я со своими коллегами и учениками’. Это сообщество лингвистов, к которому принадлежит реальный автор и к которому присоединяется автор текстовый.

отнесенность коммуникантов к текстovým ролям в тех СС, в которых позиция носителя языка введена в третьем лице и где читатель может (но не обязан) поставить себя на его место: **каждый носитель языка имеет собственное твердое мнение, какой предмет как называется; по-разному говорят представители различных профессий, люди разных возрастов и интересов, жители разных городов**; итальянское *borsetta* (небольшая сумочка) дало русское слово «борсетка», которое **все больше людей предпочитают писать через «а»** и т. п. (СС: автор – лингвист, читатель – носитель языка / ПрС с проявленным автором-лингвистом). Еще слабее позиции без прямой номинации субъекта с неопределенно-личным типом сказуемого: **по нашим исследованиям, «борсетка» пишут как минимум в десять раз чаще, чем «борсетка»; в современном языке говорят не «шнуры для ботинок», а «шнурки», не «ремень для часов», а «ремешок», не «шапка для душа», а «шапочка»** – и позиции с субъектом, выраженным неопределенным местоимением в роли дополнения: **и это... никого не раздражает.**

При анализе статьи выделяется подтип этой позиции – образованный носитель языка, или рефлектирующий носитель. Последний пример может быть отнесен именно к этой группе, ср. с аналогичными: **Многие образованные люди сейчас возмущаются обилием уменьшительных...; Назовем ли мы сейчас «верхней одежды», вход в которой в театр запрещен, брюки и рубашку? А пиджак? А пиджак?** (Отметим, что в первом примере соотносительность читателей с «образованными людьми» менее достоверна, чем во втором.)

Наличие только ПрС без вложенной СС связано, как правило, с введением лингвистической информации, научных рассуждений или квалификаций языковых и речевых фактов без указания на носителей языка и их действия: **Определения ГОСТов предельно точны: «Книга – книжное издание объемом свыше 48 страниц»; «Свитер – трикотажная плечевая одежда с длинными рукавами, без застежки, с высоким воротником более 5 см»; В быту же язык не терпит такой точности; А значит, использовать официальные определения для анализа неофициальных текстов неправильно; Составление толкового словаря без последовательностей, основанного на принципе системности, – одна из самых актуальных, но и наиболее сложно выполнимых задач современной лингвистики** и пр. Отметим в этих примерах элементы, характерные для научно-популярной коммуникативной ситуации и менее характерные для собственно научной: наречия с оценочной или усилительной семантикой **предельно точны, сложно выполнимая**; предикат субъективной оценки **неправильно** (ср. с более объективированными **некорректно, неправомерно** и пр.), олицетворение язык **не терпит точности.**

Стоит сделать оговорку относительно некоторых случаев, похожих на приведенные абзацем выше, но имеющие содержательное отличие. Речь идет о фрагментах типа: **прежде всего, нужно определить написание; ударения в письменном тексте не увидишь, нужно обрабатывать записи устной речи и проводить масштабные опросы; должно быть включено в словарь как нейтральная лексика; а значит, использовать официальные определения для анализа неофициальных текстов неправильно; надо учитывать и эти тексты** и т. д. Субъект действий предикатов, осложненных семантикой долженствования, – лингвист, изучающий бытовую лексику (ср. в этом же ряду описания исследовательских действий: **Для наших исследований мы работаем с юридическими текстами, с описаниями протоколов...**), это, как мы отмечали, позиция, занимаемая автором. Однако модальность долженствования добавляет к характеристике коммуникативной ситуации оттенок инструктивности, то есть событийной ситуации, в которой лингвист инструктирует тех, кто может заняться исследованием бытовой лексики.

В результате, если опустить семантические нюансы, мы имеем следующие позиции автора и адресата:

- в прагматической ситуации автор – лингвист (в том числе узкий специалист), читатель – неспециалист, воспринимающий информацию;
- в событийных ситуациях автор – лингвист и носитель языка, читатель – носитель языка.

Взаимодействие автора и читателя происходит внутри СС посредством действий, а в ПрС – в рамках «речежанровых» параметров фрагмента, которые можно описать через понятия регистра и содержания. Так, в коммуникативном взаимодействии (ПрС) преобладает информативный регистр (автор сообщает читателю фрагмент лингвистического знания), а также имеет место информативный с вкраплениями волонтивного (в отрывках, похожих на инструкцию исследователя) и реактивный (отрывки с квалификацией работы лингвиста и актуальности его задач).

Взаимодействия внутри СС варьируют соответственно позициям, приписываемым автору и читателю.

Лингвист, позиционируемый как профессионал «широкого профиля», полемизирует с носителем (см. примеры выше) и исследует речевую деятельность носителя; при этом носитель затрудняет работу исследователя: *У каждого носителя языка свое мнение о значении слов, и лингвистам порой трудно выбрать из этой палитры мнений то единственно правильное, которое надо поместить в словарь.*

Действия лингвиста как узкого специалиста частично пересекаются с действиями лингвиста «широкого профиля», но имеют свою специфику.

Содержание сообщения может включать не только языковые и речевые факты (*Орфография оригинала соблюдается далеко не всегда... и пр.*), но и процедуру исследования, причем как в информативном регистре (в ПрС без СС: *Чтобы определить тренды в орфографии, мы изучаем огромные объемы текстов...*), так и в волонтивном (*Прежде всего, нужно определить написание; ...это, кажется, никого не раздражает, а значит, должно быть включено в словарь как нейтральная лексика*). Если первое соотносится с ситуацией, когда «автор рассказывает читателю об объекте», то во втором лингвист еще будто инструктирует начинающего коллегу, как исследовать бытовую лексику. Приведем пример, в котором этот «оттеночный» смысл особенно отчетлив: *Прежде всего, нужно определить написание. А как быть, если слово только недавно было заимствовано из иностранного языка? Орфография оригинала соблюдается далеко не всегда...* Невозможно однозначно установить, задан ли этот вопрос от лица будущего исследователя или лингвиста, демонстрирующего процесс исследования (во второй интерпретации взаимодействие коммуникативное, т. е. в ПрС). Такая неопределенность работает на сближение ролей автора и читателя.

Другой вид взаимодействия, близкий к предыдущему, – предъявление лингвистом рассуждений с вынесением «экспертной оценки» языкового или речевого факта: слово «колготки» происходит от чешского *kalhoty*, а итальянское *borsetta* (небольшая сумочка) дало русское слово «борсетка», которое все больше людей предпочитают писать через «а»... По-видимому, борсетку ждет судьба колготок, только в колготках «а» сменилось на «о», а в «борсетке» – наоборот; Многие образованные люди сейчас возмущаются обилием уменьшительных... многие слова, которые сейчас нам кажутся абсолютно нейтральными, когда-то тоже были уменьшительными [примеры]. Мы и теперь наблюдаем такие изменения... и это, кажется, никого не раздражает, а значит, должно быть включено в словарь как нейтральная лексика. Новые изменения на подходе: слово «тапки» пока вполне нормально, но «тапочки» уже встречается в четыре раза чаще и т. п.

Автор и читатель совпадают здесь в позиции носителя языка, имея аналогичные языковые привычки: преобладание в активном словарном запасе бытовой лексики, характерное отношение к языковым и речевым фактам (трудности в понимании официальной речи, неточные представления о значениях слов).

Произведенный выше анализ показал, что в научно-популярной статье лингвистической тематики с двухуровневой коммуникативной структурой: 1) повествованием о языке; 2) вложенными в него описаниями взаимодействий с языком, – цель научно-популярной сферы общения (информирование и воздействие) во многом достигается с помощью средств авторизации и адресации. Многообразие ситуаций взаимодействия автора, читателя и лингвистического объекта задает множественность их отношений, что содержательно приближает материал к читателю. Таким образом, непонятное или малопонятное становится понятным, а чередование различных событийных и прагматических ситуаций сохраняет у читателя ощущение активного и продуктивного освоения новых знаний.

Список литературы

- Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5–33.
- Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка. М.: Просвещение, 1990. 300 с.
- Арутюнова Н. Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4. С. 356–367.
- Баранова И. И.* Функциональные особенности научно-популярных текстов: На материале подъязыка физики: Дис.... канд. филол. наук / Рос. ун-т дружбы народов. М., 1995. 183 с.
- Вычислительная техника. Терминология: Справ. пособие. Вып. 1. М.: Изд-во стандартов, 1989. 168 с.
- Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А.* Стилистика русского языка: Учеб. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
- Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
- Солганик Г. Я., Дроняева Т. С.* Стилистика современного русского языка и культура речи: Учеб. пособие для студ. фак. журналистики. 3-е изд., стер. М.: Академия, 2005. 256 с.
- Ужахова Т. О.* Коммуникативно-прагматические особенности построения текстов в научно-популярных журналах: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 170 с.
- Шмелёва Т. В.* Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика: Науч. журн. актуальных проблем преподавания рус. яз. 1990. № 2. С. 20–32.
- Шмелёва Т. В.* Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1994. 43 с.

D. V. Ilyina

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation; dvljina@gmail.com

**Authorisation and addressing as means of popularisation of scientific content
(a case study of a popular scientific article)**

The paper is concerned with the description of authorization and addressing as means of explication of relations between the author, the reader and the subject matter of a popular scientific article on a linguistic theme. The method is considered within the context of the informing and attracting functions of popular scientific sphere of communication, taking into account the limitations of communication conditions placed by the genre. A particular popular linguistic article has been envisaged in this respect. A way of achievement of the goals concerned has been studied, where the figures of the author, the reader and the subject matter enter into relationships appropriate of real communicators' interactions – researchers and language speakers. Their variety and interchange are shown in the paper.

Keywords: popular scientific sphere of communication, popular scientific article, communication, communicative situation, viewpoint, authorisation, addressing.

DOI 10.17223/18137083/56/22

References

- Apresyan Yu. D. Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in lexis and grammar and naïve world model]. In: *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics]. Iss. 28, Moscow, 1986, pp. 5–33.
- Arnol'd I. V. *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka* [Stylistics of modern English]. Moscow, Prosveshchenie, 1990, 300 p.
- Arutyunova N. D. Faktor adresata [Factor of addressee]. In: *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of Academy of Sciences of the USSR. Series of literature and language]. Moscow, Nauka, 1981, vol. 40, no. 4, pp. 356–367.
- Baranova I. I. *Funktional'nye osobennosti nauchno-populyarnykh tekstov: Na materiale pod'yazyka fiziki* [Functional features of popular scientific texts: a case study of physics sublanguage]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow, 1995, 183 p.
- Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskiy V. A. *Stilistika russkogo yazyka: Ucheb.* [The stylistics of Russian language. Tutorial]. Moscow, Flinta, Nauka, 2008, 464 p.
- Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa* [Semantic research: Semantics of tense and aspect; Semantics of narrative]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2010, 480 p.
- Shmeleva T. V. Rechevoy zhanr. Vozmozhnosti opisaniya i ispol'zovaniya v prepodavanii yazyka [Genre of speech. The scope of description and use in language teaching]. In: *Russistik. Rusistika. Nauchnyy zhurnal aktual'nykh problem prepodavaniya russkogo yazyka* [Russian Studies. Scientific journal on current issues of Russian language teaching]. Berlin, 1990, no. 2, pp. 20–32.
- Shmeleva T. V. *Semanticheskiy sintaksis: Tekst lektsiy iz kursa «Sovremennyy russkiy yazyk»* [Semantic syntax: Script of lectures in discipline «Modern Russian language»]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University, 1994, 43 p.
- Solganik G. Ya., Dronyaeva T. S. *Stilistika sovremennogo russkogo yazyka i kul'tura rechi: Uchebnoe posobie* [Stylistics of modern Russian language and culture of speech: Study guide]. Moscow, Academia, 2005, 256 p.
- Uzhakhova T. O. *Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti postroeniya tekstov v nauchno-populyarnykh zhurnalakh* [Communicative pragmatic features of text structure in popular science journals]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow, 2003, 170 p.
- Vychislitel'naya tekhnika. Terminologiya: Sprav. posobie. Vyp. 1.* [Computer Engineering. Terminology: Tutorial. Iss. 1]. Moscow, Izd-vo standartov, 1989, 168 p.
- Zolotova G. A. *Ocherk funkcional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the functional syntax of the Russian language]. Moscow, Nauka, 1973, 351 p.